

ПОЧЕМУ МАЛО ХОДЯТ В ТЕАТРЫ?

Современный театральный процесс в Армении, при всей видимой благополучности, обнаружил целый ряд проблем, требующих немедленного разрешения. Некоторые из них затронуты в диалоге между народным артистом СССР, председателем Армянского театрального общества Рачью КАПЛАНЯНОМ и театроведом Рафаэлем АКОПДЖАНИАНОМ.

Редакция публикует этот материал, предполагая, что начатый заинтересованным и принципиальным разговор продолжат как видные деятели театра, так и зрители.

Р. АКОПДЖАНИАН. Одни из первых перестроен в наши дни начался с театра. Уже в середине прошлого сезона многие ведущие коллективы смело развернули паруса под стремительным ветром перемен и я дали понеслись нравственные спектакли-кораллы. Ведь и наслаждение, доставляемое искусством, в первую очередь должно служить добротой и нравственности. Истина ставит.

Р. КАПЛАНЯН. А сегодня зрители, помимо наслаждения, требуют полноты правды. Не только художественной — партийная, социальная, политическая, экономическая. Это и есть нравственность!

Р. А. Поэтому мхатовцы в «Северной свадье» с принципиальной достоверностью раскрыли «неприличные» характеры, через которые просматривается время. «Диктатура Сталина» — Ленкомом вывели споры в размышлениях восьмидесятишестого года на недостаточную еще вчера орбиту гласности. «Последний посетитель» в ленинградском БДТ исследует механизм бездуховного начальства. Список таких вот постановок можно продолжить и продолжать. Эти спектакли кораллы, управляемые театральными металлами, бесстрашно в дерзковом выливают вперед! А армянские театры опять и опять совершают казачьи плаванья, не рискуя отделиться от родных берегов, иначе — театральные приключения.

Р. К. То есть, продолжая вашу мысль, когда все общество переживает нравственный водоем, определяется действительная энергия труппы. И именно такие переломные этапы, этапы социальной эволюции, каверно обнажают слабые «провинциализм», старательно прикрытый долголетием мифу...

Р. А. Раскрасит художественную неистовость. Вы ее называете «провинциализмом»...

Р. К. А неистовость и есть постыдная периферия художественного мышления, ее неприглядный окрест. Провинциализм не географическое понятие, а категория души. На недавнем совещании театральные деятели в ЦК КПСС приводили такой факт: руководители целого ряда организаций получали право дифференцировать заработную плату сотрудников — научных работников, конструкторов, врачей и т. д. Назовите, чего уж лучше! Поощряя, руководители, работница усердного, нужного, без проблем нервного! Проведя: примерно в 15 процентах организаций эти

правом пользуются, в остальных нет, не хотят. Почему? Да потому, что неизвестно сколько хлопот накинется с этим нововведением! Жить по старинке куда спокойнее! Когда в начале этого года я перешел в академический театр имени Г. Сундукяна, дулолось мне, сколько сил уйдет на эти кофлаты с трубой изза актерских транзита.

Но и великому счастью, сами актеры готовы казаться от наполненных штатом. Не хотят по старинке жить! Уж коли труппа — от рядового до маститого — тревожится за «творческую фирму», беспокоится о личном «знаке качества», значит в такой атмосфере работать интересно, значит театр не совсем «мертвый».

Р. А. Но и не совсем «живой», если за полгода судя по информации, был один единственный спектакль — «Рождение в доме Мухоморова» Эдуардо де Филиппо (постановка А. Зибанова). Пьеса прекрасная. Но попробуйте втиснуть этот спектакль в один ряд с такими работами современного театра, как «Сталь» в ЦТСА, «Иван да Марья» Пушкинцев, «Провинциальная история» маршаловцев... Сравнение не в пользу сундукяновцев.

Р. К. Не думаю, что Р. Солдатов, А. Кудрявцев, Л. Россейда пишут пьесы лучше де Филиппо. А в театре актуальность не всегда очевидна. Хотя, может быть, вы и правы. Однако сегодня о театре имени Г. Сундукяна необходимо размышлять шире, развивая в общем контексте театрального процесса. Театр односторонне сентиментален порой устраняет сиюминутные затруднения труппы. Но в этой сиюминутности проблемы постоянно нарастают. И, чтобы принципиальной сегодняшний выиграл «альтернатива» столкнувшись с осознанием высшего порядка, приходится пока разбавлять долготерпимую мифологию программ для своего творческого коллектива. Своим первостепенную задачу являю именно в этом.

Р. А. Не противоречит ли такая долготерпимая программа курсу ускорения? Ведь нередко всего один блестящий спектакль способен взорвать критическую массу неистовости, а уже после, известно — наступила целая реакция художественного развития. Театр имени М. Н. Ермоловой, например, переживал нелегкий период, а вот спектакль «Говори» сразу же вывел труппу в анде.

Р. К. Представим красивый город, с великолепными и редкими памятниками архитектуры. Туристы сюда

сбегаются издали. Правда, на день, чтобы полюбоваться городом и тут же уехать. Но вот коренному жителю в этом городе уютно. Красота обманчива. Окажется подняты водные коммуникации. Плохо с водоснабжением, есть перебои с электричеством, нелегко работать телефонам... В чем же нуждается город? Киде в одном красивом строении? Или же в капитальном ремонте коммунальной? Огромный организм театра имени Г. Сундукяна напоминает такой город. Хотя многим может показаться, что внешне все обстоит благополучно. Мощный актерский театрменит, но при этом неустойчиво-тепловая культура речи, отсутствие пластической выразительности. Труппа состоит из семидесяти актеров, и только восемь из них — молодые тридцати. Предстоит смена поколений. Погоня за саморекламой губительно сказывалась на актерстве... Словом, в этом театре повреждены многие нравственные и профессиональные «коммуникации».

Р. А. Но время-то не ждет! Театры-лидеры уже сейчас распродают двенадцать творческих поисков, а армянские режиссеры готовятся к очередному фестивалю, обеспечивая парадную сторону, позабыв о буднях совести.

Р. К. Вот мы сравниваем московские премьеры со спектаклями в Ереване! Хотя при таком незначительном разнице трудно установить истину. Но где же армянские пьесы минаршиского наката, шатровского полемичности, дозорского социального жарда? Ведь и МХАТ, и Ленком, и ВДТ создали спектакли по их произведениям...

Р. А. Армянский театр в недавнем прошлом открыл политического Шекспира — спектакли «Король», «Война Алой и Белой розы». Залогом до школьной реформы освещены моральные аспекты образования — спектакль «Последний учитель». Пороки произвождца вскрыли в «Неопеченном молоке». Обнаружил социальную правду «Тюмен последние призраки».

Р. К. Мы ждем развития этих театральные идеи? Я тоже их жду! Но ведь вы сами говорите: время не ждет!

Р. А. Пока не написана пьеса минаршиского наката, шатровского полемичности, дозорского социального жарда...

Р. К. Пока не написана такая пьеса, но скоро судя по информации покажут премьеру «Высокопоставленные шайки» А. Пароньяна. В искусстве театра нет готовых рецептов, каждый коллектив развивается в русло собственных идейно-эстетических исканий. Мне глубочайшее убеждение: репертуар в театре должен быть разнообразным, разноплановым. Сместь нравственные сцены с негативными явлениями

современности можно и при позиции классицизма. Главное — видеть театральную идею! Вернуть доверие зрителя.

Р. А. Это доверие сегодня заметно утрачено!

Р. К. В миллионный город заходит чуть ли не миллион зрителей из окрестных сел. На автобусах! Такая практика будет и в будущем в театре имени Г. Сундукяна.

Р. А. Но, может, вынаты не только театры? В начале прошлого года в Ереване в гастроли приехал театр имени Ш. Руставели. Грузинские мастера привели спектакли огульной политической силы, несомненно высочайших художественных достоинств. «Судный день» — а зал был наполнен полностью. Другой пример. Недавно газета «Известия» писала, что в Новогоске (Московская область) в городском театре на спектакль «Экспромт» по пьесе А. Вилькина в его же постановке билеты проданы на много месяцев вперед. А вот в Ереванском драматическом театре — «Вилькина сад» А. Чехова в постановке не того же А. Вилькина не пользуется спросом.

Социологические исследования по стране показывают, что наше общество устало в этап индивидуализации зрительских интересов. Спрос уже не массовый, а дифференцированный. В Армении же пока не проводится социологический анализ подобного типа. Все пущено на самотек. Высказанного и требовательного ереванского зрителя можно увидеть только в период гастроль пропавших коллективов.

Р. К. Я могу только сказать одно: зритель всегда прав! Прав, потому что театры не успевают за ним. Прав, потому что мы сами приучили его и веселому зрелищу, и пьесам да танцам. Вы не замечаете, что драматическое искусство умирает? Такое ощущение, что монолог искусственно заменяется мелодраматизацией. В одной интересной постановке актер не. Этот спектакль имел успех. И только повторение. Режиссеры настаивали заплеть даже тех, у кого никогда и этому склонности не было. Но ведь удача в единичном случае не может стать универсальной для всех! Да, театр — зрелище, яркое, праздничное! Но за этим зрелищем всегда скрывалась нравственная идея. Некоторые режиссеры всерьез притали идеи за феерическим потешным, и воспитали зрителя, которому подавали только потребительские комедии. Серьезный зритель давно во всем разобрались и перестал ходить в театры. Да и привозному, сельскому зрителю скучно. Но ему-то деваться некуда. На автобусе привезли в театр, на автобусе обещали отвезти обратно!

Р. А. С первого января 1987 года наш театр в числе 60 коллективов в составе республик должен приступить к эксперименту.

Сам театр будет полноправным хозяином.

Р. К. И слава богу! Если такая мера принята правительством, значит театры существовали не на завалином, сизем там, положении. Что же было раньше? В одном и том же планирующем органе театры занимались два разных отдела. Один — выделял штаты, другой — утверждал норму спектаклей. В театре имени Г. Сундукяна три режиссера. У каждого в среднем по четыре спектакля в год. Итого, двенадцать. Но финансировались почему-то только четыре. А как же с остальными, томе сбалансированными? Вопрос повисал в воздухе. Планировать работу художника — вещь рискованная. Может быть, поэтому зачастую появлялись формальные, иначе не называешь, спектакли на выдумку тему! Может, поэтому, преувеличив режиссеры без полета фантазии, без социальной боли, наводили сцены безликие постановки. Зато а срок, зато — по нюрме.

Р. А. Но разве искали настоящие таланты? Перевелись одаренные люди? Только за период 1971 — 1981 гг. Ереванский художественно-театральный институт окончил 110 режиссеров. Где они? А что если в порядке республиканского эксперимента один театр оставить без главного режиссера, поставив во главу знающего, любящего сцену, директора. И называть такой театр «Дебют»?

Р. К. Еревану нужны театры. Разные. Их в столице нашей республики очень мало. В основном они сосредоточены в центре города. Театры-студии должны открываться в Советском районе, в Ленинском... Открываться на окраинах и в центре, в восточных районах и подальше. В искусстве нет и не должно быть легких, проторенных путей. Молодые обязаны дерзать, бороться за свои идеи. Я теперь думаю о своих учениках. Моя насущная творческая обязанность воспитать себе замену. Воспитать смею! В этом долг каждого актера — народного артиста СССР.

Р. А. А теперь вернемся к самому началу. Время не ждет, театр не идет в театры!

Р. К. У меня готов эмоциональный ответ — мало хороших спектаклей. Но эксперимент в театре имени Г. Сундукяна должен выявить и социальную подоплеку такого нежданного еще в Армении феномена! Прошло время любви к человеку. Человеческий фактор требует возращения подлинных ценностей. Смыслы многие критерии. Время перемени, я уверяю, вернет истинным ценностям истинные оценки. Но время перемени требует от художника гражданского мужества, верности идеям. Правду, правду и только правду. И тогда зритель будет простить нам длинную очередь за блеском